
НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ФУНДАМЕНТАЛЬНОСТЬ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ - ОСНОВА ИННОВАЦИОННОГО ОБНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

*Обзор XIII Ежегодных Шишкинских чтений,
состоявшихся в МГИМО Университете МИД России 22 декабря 2007 г.,
подготовил А.Н.Самарин*

Проф. Шестопап А.В.: Открывая XIII Ежегодные Шишкинские чтения, заведующий кафедрой философии МГИМО проф. А.В. Шестопап отметил, что их тема в этом году - «Мировая философия и фундаментальность гуманитарного знания» - была подсказана статьей Ректора МГИМО, чл.-корр. РАН А.В. Торкунова «Фундаментальность в общественных науках» (НГ, 07.12.07). В данной статье один из разделов посвящен философской проблематике, а статья в целом имеет прямое отношение к курсу «История и философия науки», который преподается кафедрой философии для всех аспирантов и магистрантов Университета.

На Шишкинских чтениях этого года мы хотим обсудить под углом зрения фундаментальности гуманитарного знания широкий круг материалов и впечатлений, полученных преподавателями кафедры философии в 2007 г. в ходе участия в общероссийских и международных конгрессах и конференциях, а также во время научных стажировок по инновационной образовательной программе МГИМО.

Следует отметить, что поиск новых методологических подходов в сфере общественных процессов и гуманитарного знания является одной из традиций нашего Университета, заложенных основателями философской школы МГИМО - академиком Г.П. Францевым и профессором А.Ф. Шишкиным. Еще в середине прошлого века, когда многие отечественные и зарубежные ученые были увлечены разработкой проблем модернизации, новых технологий и их социально-политических последствий, А.Ф. Шишкин указывал на приоритетное значение этических, ценностных подходов ко всей сумме национальных и международных проблем.

В то время, когда большинство исследователей-международников тяготело к рассмотрению проблем мирового сообщества через призму баланса сил сверхдержав и военно-политических блоков, А.Ф. Шишкин призывал к изучению мирового сообщества в единстве и многообразии его культур, принимал активное участие

в восстановлении контактов между отечественными и индийскими философами, поддерживал исследования по философскому наследию Китая, исламского мира, Латинской Америки.

Поэтому ученым нашей кафедры и, думается, МГИМО в целом близка позиция А.В. Торкунова, который пишет, что «период освоения и популяризации западного знания - время «догоняющего» интеллектуального развития в российских общественных науках закончился. Приоритетом современного этапа общественных наук должно быть производство теоретических обобщений на базе анализа реального опыта российской жизни после 1991 г. в контексте глобальных тенденций мирового развития».

Проф. Глаголев В.С.: Категория "фундаментальности" в развитии и преподавании современных общественных наук предполагает изучение и освещение глобализации как объективно развивающегося и, вместе с тем, в определенных рамках поддающегося управлению социокультурного процесса. Различия национально-государственных интересов, культурно-исторических оснований цивилизаций, существующих на Земле, процессов самоидентификации этносов, наций и народов исключают однозначное истолкование содержания, тенденций и последствий глобализации. Движение - в сторону если не консенсуса, то, по крайней мере, сближения позиций, - возможно на основе установок, имеющих своей конечной целью «встречу культур», партнерство цивилизаций.

Для обеспечения устойчивости такого партнерства в качестве исходных предпосылок приходится выделять конфигурации совместимости культурно-ценностных установок и условия их сосуществования. Как показывает опыт истории, противостественные альянсы на международной арене недолговечны в масштабе исторического времени и влекут за собой огромные затраты материальных сил и человеческих ресурсов. (К сожалению, затраты эти продолжаются и

после прекращения партнерских отношений - как ликвидация последствий неизбежно возникших дисбалансов).

На мой взгляд, успех проектов партнерства цивилизаций возможен при осознании всеобщих ценностей, значимых для каждого из потоков глоболизирующегося сообщества и являющихся точкой отсчета для сотрудничества в решении проблем выживания Homo sapiens, которые нам оставило в наследство прошлое - 20-е столетие.

Ни одна из версий глобализации не избежит встречи с полем антрополого-философской проблематики, - за исключением «неоканнибальского» ее варианта (ориентация «на золотой миллиард» или его подразделения в отдельных странах). Распространенная потребительская версия глобализации представляет собой мимикрию все той же концепции «золотого миллиарда». Бесценное человеческое время транжируется на приобретение разнообразных товаров и услуг; сам смысл существования фокусируется на актах приобретения.

Удовлетворительные ответы на вызовы глобализации возможны лишь с позиций абсолютных ценностей. Отличительная особенность последних такова, что попытки составить их более или менее исчерпывающий список могут обернуться и сегодня, как уже не раз оборачивались в прошлом, профанацией. Эти ценности, сложившиеся в каждой из существующих цивилизаций на основе многотысячелетнего опыта поколений, не имеют линейных параметров. Это - констелляции, смысловые созвездия, составляющие космос духовной жизни человека. Духовные ценности имеют свою «стереометрию», не поддаваясь тотальной формализации и ускользая от попыток линейных «замеров» и однозначных интерпретаций полученных результатов. Удержать планку в трактовке духовных ценностей можно, лишь утверждая приоритеты подходов, признающих абсолютное аксиологическое значение единственной и неповторимой человеческой жизни.

«Индекс развития человеческого потенциала», используемый в документах ООН, включает измерение материального благополучия, здоровья и безопасности, образовательные возможности, взаимоотношения в семье и со сверстниками, поведенческие факторы риска, субъективное благополучие, - то есть совокупность параметров, определяющих предпосылки гармонического мироощущения человека и устойчивого содержательного равновесия в отношениях с окружающим миром. На донаучном языке это состояние называлось и продолжает называться «счастьем». Согласно «Докладу о развитии человека 2007/2008», по индексу развития человеческого потенциала Россия находится на 67-ом месте между Боснией и Герцеговиной - и Албанией. Хотя на этих результатах могут сказываться погрешности исходной информации, мониторинга и методики обработки полученных данных, столь скромный показатель в любом случае вызывает горестное чувство у патриотов Родины.

Оптимальной для России представляется опережа-

ющая парадигма развития: политика достаточно глубокой модернизации отечественных реалий при непременном отказе от слепого копирования западного опыта. Отсюда и - значение критического изучения опыта модернизаций в других странах, в том числе - и в сфере высшего образования..

Ставшие ныне популярными алгоритмизирующие практики программированного обучения, хотя и позволяют сэкономить много времени на решении частных вопросов, далеко не универсальны. Они не в состоянии научить творчеству. Воспитание творческой личности - сложнейший процесс, развертывающийся в массе индивидуальных встреч («событий») и общения с людьми, осуществляющими самые различные функции и роли. Рождение творческой личности - одна из вечных философско-антропологических загадок человечества.

Статья А.В.Торкунова определенно активизирует работу российских ученых - обществоведов в обозначенных направлениях.

Проф. Ашин Г.К., Заслуженный деятель науки Российской Федерации: Системные представления о функциях университета были изложены в XIX веке философом и теологом Дж. Ньюменом в книге «Рассуждения о целях и природе университетского образования», получившей широкую известность. Ньюмен писал о роли и предназначении университетов, осмысливая их, создал целостную концепцию университетского образования. Она выступала в его изложении как «идея университета», как размышления автора о научных и общекультурных функциях университета, цель которого - не просто транслировать отдельные знания, а формировать целостную научную картину мира, создавать интеллектуальную атмосферу поиска, философского осмысления научных проблем.

«Университеты призваны не только формировать определенные академические знания, но и выполнять функции общественных и моральных ориентиров». Чтобы выполнять эти функции, университет должен обладать широкой автономией (от власти предрержащих, от религиозных иерархов и иных вненаучных сил, посягающих на его автономию). За это университеты боролись и в Средние века, и в эпоху Возрождения, и в Новое время, боролись с вмешательством авторитарных и тоталитарных правителей в их внутренние дела. И поныне ряду университетов приходится бороться за интеллектуальную и финансовую независимость. Богатые традиции борьбы за автономию имеют и университеты России. Ныне основные принципы автономии университетов приняты большинством цивилизованных стран. Выступая на VIII съезде Российского союза ректоров в 2006 г., В.В.Путин сказал: «Убежден, общим принципом развития образования должно оставаться повышение самостоятельности учебных заведений, которая дает простор и педагогическим, и управленческим инициативам. Однако большая хозяйственная самостоятельность требует и большой ответственности, и современных - во всех смыслах - форм управления».

Важнейшая роль университетов проявляется прежде всего в осуществлении когнитивных и социальных функций. Когнитивная функция выражается в проведении исследований, направленных на производство нового знания, на развитие науки. Среди социальных функций университета важнейшей является формирование интеллектуальных элит, задача которых, по К. Ясперсу, - выявление новых экзистенциальных смыслов, порождение новых парадигм, трансляция и интерпретация научного творчества.

Идея университета - это идея единства в многообразии. В каждом из них изучаются многие научные дисциплины, с течением времени в университетах открываются все новые факультеты. Но это - не эклектический набор всевозможных научных дисциплин. Многочисленные дисциплины возникают на базе фундаментальных наук, среди которых особую роль неизменно играла философия. Именно фундаментальные науки скрепляли многочисленные частные и прикладные науки, давая студентам определенное целостное знание, современную им научную картину мира. Мир многообразен, и это многообразие мира отражается в многообразии наук, изучающих его. Но мир и един, и это единство мира в его многообразии и постигается прежде всего теми фундаментальными науками (и, прежде всего, как было отмечено, философией), благодаря которым только и может сложиться целостная картина мира, и, соответственно, единство наук, изучающих этот мир.

Порой ученый замыкается в рамках своей дисциплины, порой он ищет ответы на проблемы, решаемые его наукой, не подозревая, что ответ на них уже получен в рамках другой науки. Как отмечал один из великих ученых XX века Норберт Винер, величайшие открытия часто делаются не в рамках одной науки, а на грани наук, иногда - близких, (правда, грани родственных наук уже давно основательно изучены, например физики и химии - более двух столетий существует физхимия, химии и биологии - около двух столетий существует биохимия). Винер особенно интересовался границами и пересечениями весьма далеких друг от друга дисциплин, например изучении поведения живых существ и управлением машин и механизмов; выявив аналогии в функционировании этих объектов, он и создал кибернетику, или исследования граней таких, казалось бы, далеких наук, как математика и лингвистика (математическая лингвистика делает значительные успехи). Участь на двух разных факультетах, студент может прийти к интереснейшим выводам и обобщениям, за которыми может стоять крупное научное открытие. Как раз университеты наиболее ярко демонстрируют единство и переплетение наук, показывают, что университетские программы - это не эклектический набор разрозненных наук, а единое дерево, корни которого - фундаментальные знания.

Необходимо отметить, что попытки переноса центра тяжести с фундаментального на прикладное знание отнюдь не есть какая-то новация; такие попытки неоднократно предпринимались в истории науки. Еще Ф.Бэкон в XVII веке подверг острой критике

попытку ограничить науку «плодоносным» знанием (под которым он имел в виду именно прикладное знание) в ущерб фундаментальному - «светоносному». Наше поколение помнит ряд таких попыток. Н.С.Хрущев однажды высказал идею роспуска Академии наук СССР и подчинения академических вузов соответствующим министерствам, считая, что таким образом можно ускорить технический прогресс, поднять производительность труда. Хорошо еще, что его удалось переубедить. Но «радикальным реформаторам» неметя. В 90-х годах они повторили «эксперимент» на эту тему уже под флагом «экономии» бюджетных расходов, резко, в несколько раз снизив финансирование Академии наук в целом и прежде всего академических институтов, ориентировавшихся на фундаментальные исследования. Одним из последствий этих «реформ» была общая деградация российской науки, вынужденная эмиграция тысяч и тысяч российских ученых и многомиллиардные потери для нашей страны.

Проф. Сергеев В.М. (Центр глобальных проблем МГИМО): Рассматривая роль фундаментальной науки в обществе, следует обратить внимание на важный аспект фундаментального знания: по существу это последний стратегический резерв, который может быть использован обществом в случае тяжелых кризисов и серьезных внешних опасностей. Достаточно вспомнить историю американского и советского атомного проектов, изобретение компьютеров в период второй мировой войны и многое другое. К социальному фундаментальному знанию это относится не меньше, чем к техническому. Заметим, что именно нехватка фундаментального социального знания в период становления России после распада СССР была одной из основных причин ошибочной экономической политики и тяжелого экономического кризиса. В свою очередь, эта нехватка была следствием идеологического давления на фундаментальные исследования в области социальных наук в СССР.

Если смотреть на фундаментальную науку как на стратегический резерв общества, то проблемы развития фундаментальных наук оказываются тесно связанными с инновационным процессом. Обратим внимание на следующий чрезвычайно важный факт, почему-то ускользающий постоянно от исследователей инновационных процессов: **ЛЮБАЯ СЕРЬЕЗНАЯ ИННОВАЦИЯ, БУДУЧИ АДАПТИРОВАННОЙ ОБЩЕСТВОМ, ПРИВОДИТ К ИЗМЕНЕНИЮ БАЛАНСА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ.** Новые элементы операционной системы социума, скажем, появление денег как средства обмена, выборов как способов назначения политического руководства и т.д. с очевидностью приводят к новому балансу власти. Новая концептуализация окружающего нас мира также ничуть не меньше влияет на баланс власти, что доказывается постоянным и очень жестким преследованием концептуальных инноваций группами, контролирующими идеологию общества. (ср. процесс Галилея, преследование коммунистов при фашистских режи-

мах и диссидентов при коммунистических режимах и т.п.). Следовательно, Модерн как общество, институционализирующее инновационный процесс, невозможен без формирования политической культуры элит, терпимой к институционализируемому процессу перераспределения власти, который связан с социальной адаптацией инноваций. Обратим внимание на пример общества, в котором живём сами. Несмотря на исключительно высокий потенциал креативности российского общества и высокий уровень развития фундаментальных наук, что доказывается высоким уровнем российских научных и технических достижений, процесс внедрения инноваций в России - вопрос чрезвычайно болезненный. И это касается как технических, так и социальных инноваций. Успешное внедрение осуществлялось исключительно через централизованную деятельность политической власти, как правило, было направлено на укрепление политической мощи этой власти (развитие социалистической индустрии, атомный проект, космический проект и т.п.). При этом ущербность институционализованного механизма перераспределения власти как результата внедрения инноваций является характерной чертой русского Модерна, Поток инноваций был институционализирован, но одновременно рассматривался как исключительная прерогатива существующей власти. Чем более коррумпированной становилась властная иерархия, тем более ущербным и неэффективным оказывался инновационный процесс, подчинённый затратному принципу - хороша та инновация, которая требует для своего внедрения освоения значительного количества средств. В принципе, одним из основных достоинств рыночной экономики и демократической политической системы является способность этих институтов непрерывно перераспределять богатства и власть, возникающие в результате внедрения инноваций, в рамках жёстко гарантированных институциональных правил.

Доцент Лютова С.Н.: Мои преподаватели в МГУ говорили: «Результат университетского образования - не столько ответы на вопросы, сколько умение этими вопросами задаваться». Вот и в статье «Фундаментальность в общественных науках» чл. корр.проф. А.В. Торкунова моё внимание привлекли открытые вопросы, своевременно поставленные им. «Какой окажется ключевая идея века нынешнего? - задаётся вопросом Анатолий Васильевич. - ...Ради чего живёт современный россиянин?».

Хотя тема моей ноябрьской стажировки в США звучала весьма нейтрально: «Психолого-педагогические основы преподавания в ВУЗе», идеологическая проблематика регулирования межэтнических отношений неожиданно предстала мне во всей своей - не только для Соединённых Штатов - актуальности. Актуальность эта сделалась очевидной и в процессе библиотечных штудий, и в ходе бесед, которые я имела в Штатах как с представителями академической среды, так и с представителями этно-религиозных меньшинств (католиками, потомками ирландцев,

потомками мексиканцев, с американскими индейцами). Кстати, идеологии национального движения американских индейцев была посвящена в своё время моя кандидатская диссертация

Именно проблема формирования идеологии в системе высшего образования США определила направление моих исследований в двух американских университетах (Университете Джона Хопкинса в Балтиморе и Университете шт. Вашингтон в Сиэтле). В этой проблеме, как в зеркале, отразилось состояние отечественной идеологии. С 1990-х годов слово «идеология» приобрело у нас негативный оттенок; между тем она необходима не только как фактор, консолидирующий общество, но и как важный психологический феномен: личность, не видящая смысла существования нации, к которой причисляет себя, утрачивает смысл и собственной жизни.

Известная американская концепция «плавильного котла» показала свою ограниченность, что сами американцы не постеснялись признать, занявшись в XXI в. поисками более пластичной идеологии. В настоящее время в Штатах интенсивно исследуются возможности мультикультурного образования. Эта проблематика стала приоритетной для нескольких подразделений и межфакультетских научных центров Университета штата Вашингтон. Если так называемое цветное население США, составляя в 2000 г. 1/3 всех граждан, к 2050 г., по прогнозам, составит половину, если в Штатах всё возрастает процент иммигрантов, замыкающихся внутри диаспоры и даже не владеющих английским, вопрос стоит уже не о воспитании уважения белых американцев к национальным меньшинствам, а о формировании политкорректности «всё-ещё-меньшинств» по отношению к протестантам англо-саксонского и германского происхождения.

Как невозможной оказалась полная ассимиляция в мейнстрим, так невозможна и глобализация в примитивном понимании этого слова. Температура «плавильного котла» лишь накалила страсти: многие этносы внутри США настаивают теперь на сохранении самобытности. Точно так же процессы глобализации (процессы в «глобальном плавильном котле») вызывают, по выражению проф. А.В. Торкунова, «иммунный ответ» (то есть лихорадочный жар) национализма по всему свету. Однако в норме стремление наций к самобытности отнюдь не предполагает их изоляцию и враждебность по отношению к другим. Парадокс заключается в том, что общее раскрывается лишь в индивидуальном. Бездарный поэт, стремясь воплотить общезначимое, «съезжает» на банальности, талант же восходит к универсалиям через личное, интимное. Так и нация лишь в обращении к самобытности постигает общечеловеческое и может внести свой вклад в мировую - художественную, политическую - культуру.

Но как определить самобытность? Век постмодернизма научил нас доверять, скорее, Горгию, чем Сократу: «Не речь служит представлением внешнего мира, но внешний мир становится тем, что раскрывает речь». Проблема как личного, так и национального

смыслообразования - это, безусловно, проблема интерпретации. Ректор в своей статье обращает внимание на значение «вопроса об управлении процессами восприятия человеком жизненной реальности, управлении рефлексией». Как социальный психолог должна сказать, что в решении этого вопроса - не только ключ к созданию жизнеспособной идеологии, но и, как известно, сущность практической психологии. Поэтому опыт последней стоит учитывать. Он сводится к следующему: интерпретация действительности должна способствовать самореализации человека и соответствовать его призванию. Насильственная манипуляция сознанием возможна, но результаты её недолговечны, а последствия - разрушительны.

В стремлении найти собственное призвание, осознать свою миссию человек ли, народ ли, естественно, обращаются к корням. Но тут ещё одна опасность подстерегает нас: тотальная идеализация прошлого. Между тем в истории, в том числе в истории царской России, наряду с зёрнами, из которых способно произрасти наше будущее, - плевелы стратегических просчётов, уже приведших однажды к трагедии. Как отделить одно от другого? Как не повторить ошибки идеологов XIX - начала XX веков? Да, поистине это вопрос, - «способно ли "обратное обращение" к религии дать ключ к разрешению комплекса этических проблем современности»...

Проф. Зубов А.Б.: Так получилось, что 2007 г. прошёл для меня очень насыщенно. Зиму, весну и лето я, не вставая, работал над огромным проектом - «История России. XX век». Ныне эта книга, вернее - трехтомник в 3 тысячи страниц, в котором принимали участие более 40 авторов, и который был инициирован А.И.Солженицыным, завершена. Сейчас она в издательстве и, дай Бог, выйдет в свет в марте-апреле. За время моего ответственного редактирования этого проекта, а также работы над собственной книгой «Размышления над Русской историей», оконченной в январе 2007 г. (ныне в издательстве Росспэн), я имел возможность глубоко войти в логику исторического процесса нашего Отечества. Увидеть, как мне кажется, причины его взлетов и падений. А ведь XX век для России стал грандиозной гуманитарной катастрофой, обернувшейся насильственной гибелью, скорее всего одной пятой - одной четвертой нашего народа, потерей ведущего интеллектуального слоя, гибелью большинства культурных сокровищ, распадом страны. Я не думаю, что период преодоления наследия XX века завершён. Боюсь, мы будем его изживать (да и то, если не наделаем новых ошибок), ещё очень долго. Крепостное рабство старая Россия изживала весь XIX век, да так и не изжила - погибла в крестьянском восстании 1917-22 гг., а крепостной режим воспроизвели большевики в годы коллективизации. Ведь название их партии мужики так и расшифровывали - ВКП(б) - Второе крепостное право большевиков.

Так что нам сейчас надо быть очень осторожными как в оценке наших социальных успехов, так и в политических действиях, чтобы вновь не наступить на ста-

рые грабли - они бьют так больно, что можно на этот раз от удара и вовсе не оправиться. Я бы сделал нашим российским лозунгом слова - «никакого триумфализма - с серьёзностью и страхом Божиим, настроившись на тяжкий и долгий труд, всем миром восстанавливать разрушенную Россию».

Сейчас часто говорят о нашей цивилизационной особенности, о «русской матрице». Нет спора - каждая страна, каждый народ своеобразен. Мне осенью пришлось побывать в пяти европейских странах - Латвии, Греции, Швеции, Испании и Германии. И все они своеобразны. Крит не сходен с Латвией, а Кастилия со Швецией. Уверен, что Россия не в меньшей степени отличается от этих европейских государств, чем они друг от друга. Всё же мы - потомки той же Греко-римской, а если копать глубже - крито-микенской цивилизации. И Константинополь, и Рим - наше общее наследие. Но в разных соотношениях. Мы отличаемся от немцев и греков намного меньше, чем от китайцев или от арабов Переднего Востока. Наше понимание человека и его достоинства - в основаниях своих - христианское понимание, наше понимание человеческой общности, как и в Испании и в Швеции выстраивается по шаблону христианской Церкви и христианской семьи - малой церкви. Иное дело, что повсюду эти шаблоны существенно искажены ошибочными историческими выборами народов. И в нашем, русском, случае искажение более чем велико. Можно вообще поставить вопрос - после гуманитарной катастрофы XX века сохранились ли мы как русская нация, или русские сохранились худо-бедно только среди изгнанников в эмиграции, а мы действительно - новая историческая общность - советский (пост-советский, «совковский» - кому как нравится) народ. Очень многое (слава Богу - не всё) говорит за это. Традиция русской жизни или прервалась или оборвалась вовсе в XX веке у нас на родине.

Я полагаю, что абсолютно прав А.В.Торкунов, когда он говорит о том, что наша интеллигенция не должна сейчас уклоняться от участия в общественной и политической жизни России. Она и не уклонялась до 1917 г. (вспомним гражданскую позицию Льва Толстого, Пушкина, Достоевского, земских и городских общественных деятелей, западников и славянофилов). Не уклонялась она и в годы Гражданской войны и в изгнании (вспомним Ивана Бунина, Петра Струве, Ивана Ильина, Георгия Федотова, Ивана Шмелева). Пути интеллигенции и политики разошлись только в советской России, потому что многие честные люди не могли славить людоедский режим, а критика его кончалась гибелью и страданиями, и не у всех доставало сил идти на них.

Теперь это время позади. И наша задача всем миром восстанавливать нами загубленную родину, не обольщаясь нашим прошлым, но черпая силы из даже негативного опыта и, конечно же, из веры в абсолютные ценности Правды, Добра и Красоты, которые философы так и именуют Абсолютом, а обычные люди именуют Богом. Цивилизация, конечно же не равна религии, но без веры в Бога в системе той или

иной традиции, не может существовать. И XX век доказал это явно; без них не может существовать не только ни одна цивилизация, но даже и простая цивилизованность. Без веры немедленно наступает неслыханная в прошлом дикость холокостов, голодоморов, культурных революций, больших терроров, полпотовских и иных геноцидов.

Трезвая, честная, «научно обоснованная история России», - и здесь я опять полностью соглашусь с Анатолием Васильевичем, действительно должна стать «интегратором нашего общества, а исторический опыт (пусть и трагический) - источником энергии для развития России».

Но «переходный период» у нас вовсе не закончился, он не за спиной. От XX века нельзя отделаться так легко. Переходный период только начинается, мы только прозреваем его масштаб и скрытый в 1990-е гг. в облаках пыли и дыма от рухнувшего советского режима путь, теперь открывается на все свои вёрсты. Но бояться не надо. В иной великой цивилизации, тоже, может быть загубленной коммунизмом, один из мудрейших людей мира сказал, что «путь в десять тысяч ли начинается с первого шага». Этот шаг в будущее мы и должны сделать ныне.

Доцент, член-корр. Всемирной Академии наук комплексной безопасности Самарин А.Н., ведущий научный сотрудник ИС РАН: В статье проф. А.В.Торкунова в «Независимой газете» обсуждается важнейший круг методологических проблем общественности, включая философскую и социологическую проблематику. Думается, что для нас ценность данной публикации заключается в существенно новой акцентировке ряда уже дискутируемых научных тем, а также в перспективном обозначении еще неизведанных горизонтов познания. Она определенно побуждает к серьезным размышлениям о наболевших темах. Коснемся в порядке дискуссии только некоторых из них.

Прежде всего, обращает на себя внимание вполне оправданное стремление автора развернуть социальное познание в нашей стране от превалирующего ныне мнимого методологического универсализма в понимании глобализации, модернизации, демократического транзита - совсем в иное русло: развернуть в сторону исследования специфики российского и русского общества в его неповторимости и конкретике. И сама трактовка вышперечисленных категорий, и реальное политическое их отражение ныне носят неприемлемо односторонний вестернизаторский характер, формируя в России черты зависимого и «закомплексованного» сознания. Господствующая ныне моноцентричная модель глобализации и адекватная ей практика международной жизни демонстрируют нам огромные риски для развития большинства стран и народов, выявляя тенденции к полной девальвации не только политической суверенности, но и культурной самобытности этих народов, к убогой попытке их сплошной американизации в самых деструктивных формах. Россия - это громадный и сложный цивилиза-

ционный ареал, который невозможно без гигантского ущерба для него подогнать под якобы обязательные глобалистские стандарты, втиснуть в прокрустово ложе заокеанского примитива. Грубо сломать традицию, значит просто разрушить народ, «демонтировать» его, по меткому выражению С.Г.Кара-Мурзы.

Соглашусь с А.В. Торкуновым и в том, что вопреки всему носитель традиции устоял и дает ныне «иммунный ответ». Претерпев тяжкие испытания, наш человек, субъект русской и советской традиции, все же не был сломлен. А вот неолиберальный проект в нашей стране, который был ориентирован, как раз, на выбивание традиции, с моей точки зрения (и не только с моей), провалился в самом главном. На его основе возникла абсолютно нежизнеспособная и неустойчивая система с крайне низкой продуктивностью, выстроенная по модели сырьевого придатка. Она -пригодна только для проедания исторического и природного наследия. И никакие «лекарства», никакие новые «реформы» ей уже не помогут, поскольку в корне ошибочна сама суть проекта, где через каждое слово его архитекторами используется термин «слом». Все это давно следует, как минимум, сдать в архив.

Необходим кардинальный поворот от непроизводительного расточительства благ и хронического вывоза из страны всех видов ресурсов - к подъему реальной экономики. Ныне требуется экстренный переход к реиндустриализации, к форсированному укреплению науки и развитию инновационных технологий, к формированию целевых программ развития, которые в прошлом обеспечили нашей стране ее выдающиеся достижения. Но еще острее общество нуждается в восстановлении коллективных смыслов своего существования и в идее социальной справедливости. Система чудовищной несправедливости, безгранично растущих контрастов, которая имеет место у нас, обречена на катастрофический исход. С другой стороны, даже самые оправданные коллективные цели не осуществимы, как показала наша собственная история, без общегосударственного планирования, проектирования и прогнозирования, без прогресса социальной науки и ее фундаментальных основ. Формирование «национальных проектов» было первым, но слишком робким шагом в правильном направлении.

Достижения советского программно-целевого планирования заслуживают безусловной реабилитации и творческого применения в новых условиях. Дальнейшая дисперсия госсобственности под флагом приватизации - крайне опасна. Доля госсектора в России уже давно много ниже, нежели даже на Западе, и сегодня ее величина приближается к критически малым значениям (около 10%). Этого абсолютно недостаточно для обеспечения минимальной устойчивости экономики и особенно для сохранения обороноспособности и безопасности страны. Для поддержания последних становится уже актуальной и неотложной ренационализация стратегически важных предприятий и отраслей.

Дальнейшая реализация неолиберального проекта, тем более возврат к пройденным стадиям олигархической вольницы под фальшивым лейблом «продви-

жения демократии» могли бы привести лишь к ускоренному краху нашего национально-государственного единства с последующим расчленением страны. Вообще, сквозь «черные дыры» олигархической системы не только продолжает утекать национальное достояние и обращается в прах жизнь миллионов, конвертируемая в отчужденную инвалютную наличность. Вместе с этой невосполнимой утечкой ресурсов утрачиваются и всякие шансы России на будущее. Это - не вопрос ценностных предпочтений, но твердо установленный факт. Мы уже находимся вблизи точки «невозврата» к полноценной социально-экономической и культурной жизни - «невозврата» на пути к восстановлению Отечества, хотя минимальный шанс выскочить из исторического капкана еще сохраняется.

В публикации проф. А.В. Торкунова совершенно справедливо говорится о необходимости, с одной стороны, детально изучить и обобщить опыт прожитых нами постсоветских десятилетий, с другой, заново исследовать и переоценить предшествующий советский опыт. Действительно, лишь в этом сравнении мы можем постичь, что случилось с нами и страной: почему на пути к якобы демократии вместо подъема она фактически оказалась в состоянии глубочайшей деградации? Почему пали такие основополагающие ее бастионы как промышленность, включая оборонно-промышленный комплекс, аграрный сектор, почему стремительно рассыпается еще недавно великолепная наука и приходит в упадок выдающаяся система образования? В исследовании этих трагичных сюжетов, которые четко отражают направленный против нас глобализационный сценарий, очень важно не оказаться в позиции безразличного патологоанатома, как это зачастую выглядит в некоторых зарубежных трудах, где нас уже поспешили навсегда списать со счетов. «Россия больна, она умирает», - не столь давно удовлетворенно заметила вдохновительница «Перестройки» М.Тэтчер, и ей вторит множество западных (и даже восточноевропейских) специалистов по нашей стране. Но, все же думаю, что пока они слишком торопятся с летальными предсказаниями. Несмотря ни на что в России (пусть в немногих) отдельных областях познания и технологии еще сохраняются точки роста; в одних случаях уже реализуемые, в других - предстоящие в виде обоснованных проектов. Вокруг них вполне могли бы кристаллизироваться созидательные общественные структуры и силы, могли бы, но, увы, этого пока не происходит.

Для перевода страны на рельсы устойчивого развития, во-первых, нуждается в форсированной поддержке (а не в добывании) российская наука - главный мотор инноваций, за счет которых только и может вырваться наша страна на путь реального развития. В советскую эру треть изобретений в мире были нашими, теперь они исчисляются в сотых долях процента. Тем не менее, есть еще некоторые заделы в авиастроении, космических технологиях, как ни удивительно, даже в микроэлектронике: наши ученые смогли совсем недавно создать совершенно оригинальный

процессор. Мы имеем достижения в микрохирургии и т.д. Еще живы гениальные оборонщики со своими идеями. Но, во-вторых, никакие технические изобретения и разработки не могут быть всерьез востребованы и реализованы в деиндустриализованной стране. За полтора десятилетия большинство предприятий погибло безвозвратно, вместе с ними были потеряны и квалифицированные кадры. (Так, квалифицированных рабочих уцелело лишь около 3%). Без немедленного запуска реиндустриализации мы не только не сможем реализовать свой инновационный потенциал, но не сможем обеспечить в ближайшие годы даже минимальную обороноспособность страны. Откладывать восстановление промышленности уже невозможно, если мы не хотим поставить крест на стране и безопасности миллионов людей. Через три года главные оборонные ресурсы, созданные в СССР, будут в основном исчерпаны со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В статье А.В.Торкунова отмечается центральная роль фундаментального знания, в том числе философии, в моделировании нашего будущего, в чем мы, разумеется, с автором согласны. Однако в российской реальности - и в исследовательской деятельности, и в образовании - имеет место обратный процесс - глубокая дефундаментализация познания. Во-первых, стала проповедоваться (и небескорыстно) достаточно безумная идея, о том, что для России фундаментальная наука уже не по карману и потому ее будто бы требуется свернуть. И, как известно, дело здесь далеко не ограничилось словесными декларациями. Некоторые люди даже обретают на этой разрушительной идее целые состояния. Но ведь именно наличие мощной высокой науки, ее опережающий рост и были сильнейшими стимулами к развитию в нашей стране и образования, и технологий. Ликвидировать фундаментальные науки - значит сгубить остатки русской науки вообще. Во-вторых, уже резко ослабили институциональные основы фундаментальных наук - от философии до математики. Неолиберальная идейно-культурная парадигма, к сожалению, пока еще доминирующая у нас, целиком ориентирует общество на утилитарное и практическое знание, вынося за скобки любую методологию или широкую теорию, как якобы некие излишества. Уже было немало попыток вывести и философию, и любые общетеоретические предметы за пределы высшего образования. В академической среде можно наблюдать, как методом «сливания» упраздняют любые научные структуры, где в названии еще есть слово "теория". Наконец, в-третьих, наша наука и образование несомненно, становятся жертвами недобросовестных манипуляций со стороны Запада. Бывший госсекретарь США Г.Киссинджер, который продолжает играть исключительно важную политическую роль в американской элите, заявил в 2004 г: "Существование науки в государствах недружественных США рассматривается как стратегическая угроза США". И почти то же самое говорится об образовании в любых потенциально конкурентноспособных странах. Проекты демонтажа науки и образования в Рос-

сии разрабатывают люди, живущие на американские деньги и исполняющие заказ своих финансовых спонсоров. Таким образом, утверждение фундаментальности в нашем общественном сознании превратилось в поле труднейшего сражения за будущее Отечества - сражения, которое ведут патриотически настроенные ученые, работники образования в союзе со всеми созидательными силами общества против компрадоров - рассточителей исторического достояния народа.

Проф.Силантьева М.В.: Наука инструмент, который помогает человеку приспособиться к условиям выживания в «окружающей среде», исполненной для него разнообразными «рисками». Именно такую картину мира «человек выживает в агрессивной внешней реальности» рисует тот самый сциентизм, благодаря которому мы сегодня имеем возможность не только пользоваться «благами цивилизации», но и сравнительно точно прогнозировать сверхсложные процессы, происходящие в общественной жизни. Общественные науки продолжают линию «точного знания», оптимизируя биосоциальную приспособляемость человека. Новейшая стратегия отечественного общественно-научного знания, ориентированная на выработку конкретных путей подобной оптимизации, лежит, таким образом, в русле фундаментальных общенаучных поисков. С другой стороны, знание не сводится исключительно к знанию научному. Помимо науки, с древнейших времен известны такие формы знания, как мифология, искусство, религия, философия и т.п.

В последнее время, как показывают множественные исследования отечественных и зарубежных авторов, среди познавательных (и в целом поведенческих) мегастратегий заметно возрос удельный вес мифологии. Это связано не только с ростом объема и влияния СМИ «естественной среды обитания» мифа но и с увеличением пропорции «мифичности» внутри иных форм знания. Особенно заметно данное явление на примере религиозных процессов, очень часто подменяемых и вытесняемых в своих гносеологических аспектах мифом как более древней и простой формой знания и самоорганизации социума.

Весьма интересно взаимодействие мифа и науки, позволившее создать такие современные их «гибриды», как «гуманитарные технологии», различные «психотехники» и PR-технологии, а также оккультизм.

Продуктом «метиссажа» мифа и искусства становится «дизайнеризация», в корне меняющая стиль жизни современного человека. В общественной практике сегодня можно говорить не только о своеобразной социальной и психологической инженерии (в России не менее успешной, чем на Западе, - только осуществляемой здесь сегодня в иных, чем на Западе, целях). Речь может идти также и о «дизайне» генной инженерии, вполне серьезно предлагающей состоятельным покупателям, например, «дизайн-проекты» их возможного потомства...

Мифологизация современной культуры стремительно сокращает «пропасть» между «Западом» и «Востоком», уравнивая символизм новейшей «западной»

цивилизации и архаику «отсталых» с точки зрения прогрессистских теорий народов Азии, Африки и Латинской Америки. При этом, как подчеркивается в статье Ректора, самобытные культурные организмы способны воспроизводить себя на сравнительно новой для них технологической базе. Так например, «западные» технологии с успехом применяются (и развиваются) арабами, корейцами и т.д., - что, однако, не уничтожает собственную «культурную матрицу» этих народов.

Наличие феномена «азиатского чуда», в свою очередь, иллюстрирует возможность альтернативного подхода к «классической» теории локальных цивилизаций Данилевского Хантингтона: если возможно перекрестное «встраивание» отдельных фрагментов различных цивилизаций друг в друга, так ли они «локальны»? Но если их локальность только одна из сторон медали? Тогда имеет смысл более серьезно говорить и о второй ее стороне. А это значит, что основание глобализации - наличие действительно общего культурного кода, общего языка, имеющего различные проявления в силу различий исторического, географического и т.д. контекстов.

Соответственно, «культурный «генокод» всякой социокультурной целостности, прочитанный как миф, следует дополнять расшифровкой ее «логосного кода». Это означает, что необходимо тщательно изучать самосознание конкретных культур. То есть разбираться в тех фундаментальных понятиях, которые составляют аксиоматику осмысления в данной культуре базовых отношений человека с миром и другими людьми.

Это осмысление требует не только хорошо знать язык данной страны, ее жизненные реалии; разбираться в динамике различных сфер социокультурной практики. Необходимо также иметь навык анализа базовых терминов на языке собственной культуры, т.е. знать и понимать пласт философских исканий и соответствующих им понятий отечественной культуры. Эту задачу (в частности, образовательного процесса) призвана решать философия.

Помимо всего прочего, философия составляет «естественный» противовес мифологизации (и даже противоядие ей в тех случаях, когда оно необходимо), обеспечивая баланс между манипулятивностью (свойственной мифу, в том числе социальному) - и тем даром свободы, без которого дохнут в клетках дикие звери; а человек (как говорят специалисты) - «не живет долго и не может творчески трудиться».

Проф. Терин В.П.: Основной вектор развития инфокоммуникаций - мгновенная обратная связь. По отношению к нему сравнительно просто выявляется положение как тех или иных стран, так и их общностей в процессе глобализации. Учитывая стремительное усиление роли инфокоммуникаций (в том числе электронных масс-медиа) в качестве операционной системы планетарного переустройства человеческой жизни, предлагается создание УМК «Воздействие инфокоммуникаций (человек, общество, мировая

политика)» как преимущественно философско-социологического курса. При этом имеется в виду воздействие инфокоммуникаций как круг проблем современного человека: задаваемые инфокоммуникациями формы восприятия и мышления; воздействие инфокоммуникаций на глобальные конфликты и ход глобализации в целом; роль инфокоммуникаций в формировании новой философии международных отношений. И всё это - применительно к месту российской инфокоммуникационной реальности в современном мире.

Предлагаемый УМК будет строиться применительно к потребностям адаптации студентов к рынку труда в контексте LLL (life long learning). Привлечение для этого различных ресурсов необходимо и для решения задач повышения квалификации. Это, в свою очередь, предполагает создание учебника (лекционного курса), в том числе на иностранных языках, соответствующих образовательных видеомодулей и, по возможности, программ и проектов, представляющих интерес для спонсоров

Ст. преподаватель Новиков Д.В.: В каком-то плане, в современном мире повторяются бесконечно старые дилеммы выбора видения или истолкования мира: дилеммы универсального и особенного, обусловленного и свободного, смыслового единства и гетерогенности бытия, которые словно вновь обретают былую повседневную актуальность, однако предстают они теперь уже в некоем ином, неизвестном мире. И контекст их прочтения, равно как и сценарии, которые за ними скрываются - иные. Однако именно широко распространившееся понимание исчерпанности определенных схем мышления, организующих то, что получило название «всемирной истории», т.е. всего способа бытия Запада, понимание, которое в начале двадцатого века разделяли лишь достаточно узкие группы интеллектуалов и артистической богемы, стало другой характерной чертой нашего времени.

Именно модели школы и государства, семьи и университета, культуры в целом, порождающие или воспроизводящие отчуждение, не выполняющие тех благородных задач, которые были возложены на них всем проектом Просвещения, не разрешающие неких экзистенциально приоритетных социальных проблем, оказались в центре того кризиса, который с одной стороны вылился в «бунт 60-х», а с другой, привел к радикальному пересмотру отношений между знанием и властью в рамках ревизии посылок самого Просвещения, уходящего корнями в допросветительскую мифологию.

В этом плане, стало очевидно, что вопрос стратегий знаний - способа читать мир, историю и язык, способ мыслить их взаимосвязь и есть собственно изначально политический или мета-политический вопрос, с которым связаны сценарии доязыкового и доонтологического выбора, по-сути, - сценарии жизни и смерти и всего того, что может получить эти имена. В общем, как было отмечено, это всегда вопрос границы, «по одну и по другую сторону которой цена жизни раз-

лична». Мыслить границу как некое последнее прибежище всего непроявленного, мыслить абсолютно случайное, мыслить связь механическую, а не смысловую, мыслить абсолютную неопределенность - значит, мыслить в каком-то смысле «немыслимое», по крайней мере, с точки зрения классического «разума».

Однако, быть может, именно это чтение вдоль линий, ограничивающих наше традиционное зрение, и есть возможность вернуть просветительский проект в мир, с ним генетически связанный. Где подобная слепота или все более преобладающая неопределенность возвращает самую древнюю архаику в чуть измененных или новых формах. Именно требуется совершенно новое понимание, где понимание отсутствует. Подобная надежда, связанная с попыткой мыслить иначе, воодушевляет «философию» - не будем уточнять сам термин - самых различных политических пристрастий: она воплощена в «множественности» у альтермондialisта Антонио Негри, «ослабленном секуляризирующем мышлении» у христианина Джанни Ваттимо, этике «минимального сообщества» у Ж.-Л. Нанси, этике «профанации» Дж. Агамбена, во всем проекте деконструкции Ж. Деррида и его последователей. В этой перспективе философия способна на немногое. Не предлагать некоторые основополагающие идеи - проект как раз и оказавшийся до конца исчерпанным еще во времена Канта - но, возможно, произвести то неуловимое смещение, о котором говорит Дж. Ваттимо. позволяющее увидеть в незыблемой реальности не более, чем интерпретацию и, тем самым, открыть ее для нового интерпретирующего понимания - всегда, по определению, совместного. Мысль, впрочем, чуть иначе высказанная Лао-Цзы: «Если ты не можешь изменить мир, попробуй поменять свой взгляд на него».

Аспирантка кафедры философии Мона Халиль: Вот уже несколько лет продолжают попытки создания так называемого «исламского знания». Причина этого - в нежелании признавать достижения западной науки как безальтернативные, а западные школы как генераторы наивысших научных достижений в мире. Что касается социологии, например, то идет работа над созданием арабской или исламской социологии, основанной на идеях арабского ученого XIV века Ибн Хальдуна, которого принято считать отцом-основателем мировой социологической мысли. Таким образом, в Египте существуют два подхода к изучению этой науки - западный и арабский. .

Много лет продолжают попытки перевести образование в некоторых областях на арабский язык.

Хочется отметить исключительную важность поднятого Ректором вопроса об изучении мировой истории и других наук применительно к российско-египетским отношениям.

С одной стороны, в российских образовательных программах редко упоминаются какие-либо исторические события, научные открытия, культурные достижения, произошедшие вне западного мира. Как такое возможно? Создается впечатление, что програм-

мы для российских учеников и студентов писали не русские специалисты, а западные ученые по собственным шаблонам. Подобная ситуация тянется еще со времен Советского Союза.

Например, уже упоминавшийся мной ранее средневековый арабский ученый Ибн Хальдун, которого арабский мир (и не только) признает основателем социологической мысли, в России почти неизвестен. С его именем знакомы разве что специалисты-востоковеды, а в учебниках по социологии о нем нет ни единого упоминания. При том, что Ибн Хальдун осмысливал государство как социальный институт, делает попытки вывести законы развития и упадка цивилизаций, а также прослеживает связь национального характера с климатом.

С другой стороны, Россия с ее великой историей, научными открытиями и культурными достижениями также отсутствует в образовательных программах Египта. Ситуация, при которой молодое поколение египтян не знает, кто такой Гагарин, представляется неприемлемой. Необходима работа российских структур в этом направлении. Так же, как требуется и активное позиционирование России в информационном пространстве арабского мира в целом и Египта, в частности. В Египте до сих пор, к сожалению, Россия воспринимается либо как обломок безбожного,- отсталого и недееспособного Советского Союза, либо как окраинная часть западной цивилизации. И здесь важным представляется вопрос ректора Торкунова о необходимости «объяснить российское своеобразие внешнему миру», который, на мой взгляд, тесно связан с еще одним вопросом, поднятым в статье - об управлении процессами восприятия человеком жизненной реальности. Сегодня невозможно позиционировать Россию, ее культурное и цивилизационное своеобразие, богатую историю и достижения в других регионах мира без соответствующих механизмов и методов. Поэтому изучение этих механизмов «управления рефлексией» и их корректное использование представляются приоритетными.

Можно выделить два основных направления критики теории «столкновения цивилизаций» египетски-

ми учеными.

Первая группа ученых и публицистов исходит из признания существования исламской цивилизации, но при этом принимает оборонительную позицию, призывая признать достижения мусульманского мира и настаивая на опровержении обвинений, выдвинутых Хантингтоном в адрес исламского мира.

Другая группа ученых опровергает само наличие межцивилизационного конфликта, видя в теории Хантингтона не слишком удачную попытку подменить экономическое столкновение «бедных и богатых» - межцивилизационным.

В целом приходится признать, что роль фундаментального знания в Египте сегодня уменьшается, а интерес к наукам, характерный для египетского общества, падает.

В заключение хочется отметить, что изучение российскими специалистами ситуации в сфере образования и фундаментальных наук в Египте будет способствовать лучшему пониманию установок в египетском общественном сознании, а значит, содействовать наиболее эффективному двустороннему российско-египетскому сотрудничеству.

Подводя итоги дискуссии, **зав. кафедрой философии проф. А.В.Шестопа** отметил, что в чтениях приняло участие более 80 человек - преподавателей, аспирантов и магистрантов. При всем различии высказанных мнений участники чтений согласны в том, что проблемы фундаментальной науки становятся одной из центральных тем современного российского общества. Обсуждаемые на XIII Ежегодных Шишкинских чтениях проблемы являются органичной частью учебно-методических комплексов, разрабатываемых кафедрой в рамках Инновационной образовательной программы МГИМО. То, что мы сегодня обсуждаем как научные гипотезы, завтра станет составной частью наших учебных курсов. Проведенная дискуссия стимулирует также подготовку нашего участия в V Конвенте РАМИ и XXII Всемирном философском конгрессе в Сеуле.